

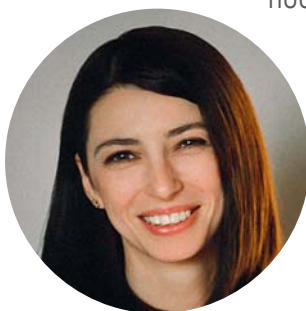
ФОТО Олеся МIRONCHUK

Лилия Плотникова

Его мир похож на наш

Соцсети всё активнее входят в нашу жизнь. В огромном количестве информации, которую можно там почерпнуть, порой встречаются настоящие шедевры. В этой рубрике – самое интересное, что нам удалось прочесть в соцсетях. В этот раз нашу редакцию глубоко тронули

посты Лилии Плотниковой, мамы особенного ребёнка, опубликованные в Фэйсбуке (материал печатается с разрешения автора).

Лет до шести Дания кричал почти круглосуточно. Просыпался и сразу плакал. Я вскакивала, брала его на руки и мы вместе ходили по квартире. Одной рукой варила кашу, в другой был он. Параллельно пела, потому что разговоры вызывали раздражение и ор.

Кстати, привычка постоянно петь осталась до сих пор.

Лет шесть я носила его на руках почти постоянно. Вернее, на одной руке. Второй умудрялась даже чистить картошку. За эти годы я заработала себе сколиоз, приступы удушья, шишку на кисти руки, боли в шее и низкое давление. Чесалась до крови.

Дания кричал, когда звонил мой телефон, когда на улице мы останавливались на секунду или сворачивали «не туда», кричал, когда я грела еду в микроволновке, включала пылесос, разговаривала с кем-то. Кричал, если попадал в новое место или к нам кто-нибудь приходил.

Нелюбовь к телефонным разговорам у меня тоже сохранилась.

В этом вечном стрессе необходимо было постоянно искать. Способы, деньги, врачей.

Помню, как плохо мне было в то время. Помню, как отчаянно строила в своей голове лучшее будущее и якорем цеплялась за эти ощущения, как за настоящее. Как твёрдо верила, что Дания перерастёт. Истерики, боли, метеозависимости, аутичные черты, психозы. Мне было важнее всего привести его состояние к адекватности, к спокойствию.

Помню походы к неврологу, психиатру, последний рекомендовал психотропные успокоительные и мы даже пропили один курс, но как только отменили препарат – стало ещё хуже. Я понимала, что гасить эмоции – это тупик, и вместе с эмоциями гасится интеллект.

Я мечтала посидеть просто в тишине. Двумя руками держать чашку и смотреть в окно. Но не с мыслями выйти из него, а с мыслями о том, что всё не так уж и плохо.

Оглядываясь назад, я понимаю, что пережила кромешный ад, адскую агонию, побывала в пекле своих ужасов. Когда неслись на машине с задыхающимся синеющим Даней в больницу, как плакала и держала его за руку в отделении реанимации, как каждый раз боялась проститься с ним и никогда не обнять.

Я отчаянно верила в лучшее. Урывками читала Джона Кехо, слушала какие-то медитации, визуализировала наше светлое будущее.

Во время прогулок, перед сном, когда хотелось выть. А когда Дания засыпал, я клала руки ему на голову и представляла свечение золотого цвета. Как этот свет его лечит. Представляла, маленькие звёздочки, расходящиеся по его суставам и дарующие ему облегчение. Я верила.

Я не заметила, в какой момент всё изменилось, и начала оживать картинка из моей головы, но это стало происходить. Сейчас Дания просыпается с улыбкой, вернее, улыбка просыпается раньше него) Дания успокоился. Появилась какая-то стабильность. Я забыла, что такое смотреть погоду на неделю вперёд и трястись от смены ветра и температуры.

В нём главное – любить. Любить всё, что тебя окружает, не замечать низкое, не придавать ему значение. Гипертрофировать высокое, душевное, ставя его на пьедестал

Мы пользуемся микроволновкой, телефоном, к нам приходят друзья, мы можем гулять в новых местах и останавливаться отдохнуть. Не надолго, но всё же. Дания не паникует, он начал доверять миру и не ждать опасности. Он может играть сам и сидеть в своём стуле, а не на мне. И он может быть в саду на полный день. Я могу назвать его счастливым ребёнком, проживающим хорошее детство, полное эмоций.

Наверное, только год, как я начала жить другой жизнью. Планировать, отдыхать, работать, заниматься спортом, делать маникюр. Пить чай, держа кружку двумя руками. И смотреть в окно, думая хорошие мысли и продолжать мечтать о светлом будущем. А там я уже нарисовала такую картинку, которую вы увидите обязательно.

Восприятие Дании происходит через мою призму.

Я сама смотрю на него так и транслирую окружающим. Без уничтожительной жалости, без сноски на диагнозы, без внутренней боли. Конечно, это было не всегда, но я научилась чувствовать иначе.

Когда смотришь глубже – видишь больше.

На самом деле, Дания природой награждён великой силой духа и любви. Ему чуждо всё мелкое и лицемерное, он извлекает суть, главное. А главное – это доброе, мягкое, заботливое, с любовью.

Когда я думаю о Дане, я становлюсь лучше.

Его мир очень похож на наш. Только в нём не обязательно говорить, чтобы тебя услышали, не обязательно сдерживать эмоции, чтобы понравиться, не обязательно уметь ходить, чтобы пройти свой Путь. В нём главное – любить. Любить всё, что тебя окружает, не замечать низкое, не придавать ему значение. Гипертрофировать высокое, душевное, ставя его на пьедестал.

Каким бы миссионером он ни был – ему трудно среди нас. Наш воздух для него слишком вязок, а земное притяжение слишком сильное, не позволяющее ему физически подняться. Каждое движение вверх для Дании – это труд. И всё же, он старается.

Я благодарна всем за колоссальную поддержку, которой вы окутывали нашего мальчика все эти годы. За помощь, доброту и веру. Я обязательно расскажу Дане о вас, хотя, уверена, он и так всё знает.

Дания... Незаметно для меня внутри меня прекратились рассуждения на тему «а что было бы если...»

Будь Дания здоровым, обычным, каким бы он был, какие вопросы мне задавал, а что конкретно бы я отвечала?

Как бы мы шутили, и я бы его обязательно научила играть в бадминтон, а когда ему по зову Исследователя нужно было бы лазить на все песочные горы, прыгать по пням, лезть на турники, я бы вместо мамского занудного «ну-ка слезь, упадёшь, не трогай, сиди и не шевелись», лезла бы вместе с ним. И познавала бы заново.

Я бы не злилась на него за его активность, шумность, я бы не одергивала, когда он кривляется, пусть кривляется на здоровье, вдруг станет артистом! Я до сих пор кривлюсь, а что в этом такого?

Я бы задавала ему совершенно взрослые вопросы, и отвечала также, я бы вместо злости пыталась понять его чувства и любила бы его даже когда он «плохой».

Впрочем, я бы делала всё практически тоже самое, что и сейчас.

Я перестала представлять его другим. Сравнить его, как бы сравнивали меня и мне было бы унижительно обидно.

Перестала сожалеть.

Я даже перестала хотеть «ещё ребёнка», как будто Дания – полребёнка, как будто это пробник и не считается, и это тоже ужасно унижительно. Я перестала оправдываться перед людьми после фразы, нарушающей все мои границы «рожайте второго». Я уважаю свою территорию души и охраняю её.

Я принимаю с благодарностью и любовью всё то, что дала мне Судьба, а это – немало, это – великие сокровища!

И Дания – главное.

Я люблю свою жизнь, какой бы трудной и тернистой она не была. Я люблю её.